



• КОРОЛЕВА ПРЕСТУПНЫХ СТРАСТЕЙ •

МАРИНА
КРАМЕР

Тайны взрослых девочек



Королева преступных страстей

Марина Крамер

Тайны взрослых девочек

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крамер М.

Тайны взрослых девочек / М. Крамер — «Эксмо»,
2017 — (Королева преступных страстей)

ISBN 978-5-699-96710-0

Так бывает в жизни следователя: чем основательнее погружаешься в сложное дело, тем больше сходства обнаруживаешь между собой и жертвой. Может быть, Лене потому и не дается эта история, что в убитой Жанне она видит себя: те же нерешительность и робость в отношениях с любимым, те же кристальная честность, боязнь осуждения, зависимость от чужого мнения. Их родители были слишком тесно связаны в прошлом – так, может, именно поэтому непогрешимая Лена из прокуратуры и святая Жанна, дочь теневого воротила, кажутся почти сестрами?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96710-0

© Крамер М., 2017
© Эксмо, 2017

Марина Крамер

Тайны взрослых девочек

Не взирай на этот мир со страхом и отвращением. Смело смотри в лицо тому, что предлагают тебе боги.

Морихэй Уэсиба, основатель современного айкидо

Осмотр места происшествия всегда вызывал у Лены противоречивые чувства. С одной стороны, она не боялась трупов и вида крови, с годами работы это вошло в привычку и перестало нервировать и вызывать отвращение. Но с другой... Всякий раз за этой фразой «осмотр места происшествия» стояла чья-то сломанная судьба, даже две – того, кого убили, и того, кто убил. А сегодня, кажется, и искать долго не придется. Если верить эксперту, оба выстрела произведены из одного оружия, и оно крепко зажато в руке трупа, лежащего рядом с кроватью в просторной спальне. Здесь же, на кровати, второе тело.

– Эх ему кто-то черепушку-то раскроил выстрелом в упор, – вздохнул эксперт Иван Игоревич Никитин, закончив осмотр тела на кровати. – Этого можно увозить. А мы пока девушкой займемся.

Лена перевела взгляд на второй труп. Перед ней на полу лицом вниз лежала светловолосая женщина, одетая в голубые джинсы и вязаный разноцветный кардиган. Входное отверстие на правом виске почти не оставляло сомнений – самоубийство. В правой руке был крепко зажат «макаров». Никитин аккуратно вытащил пистолет из побелевших пальцев убитой и опустил в протянутый ему пластиковый пакет:

– Это на экспертизу. Но, скорее всего, здесь ничего не понадобится: гильзы вроде похожие. Перевернем дамочку. – Он осторожно перевернул труп на спину и ахнул: – Ого! Да это же Жанна Стрелкова. Дела, братцы...

Лена подошла ближе и взглянула в лицо убитой. Оно показалось ей смутно знакомым. Напрягла память и поняла, что эксперт прав: это действительно была Жанна Стрелкова, владелица картинной галереи, очень известная персона, несколько лет назад возглавившая фонд по борьбе с онкологическими заболеваниями. Буквально пару дней назад ее галерея перечислила на счет местной больницы крупную сумму денег, об этом трубили все местные каналы и даже один федеральный. Молодая, красивая, обеспеченная женщина – и вдруг выстрел в висок?

– Странно как-то, – пробормотала Лена, присаживаясь на корточки и осматривая руку убитой.

– Что именно?

Никитин продолжал осмотр. Сейчас он диктовал данные практикантке Кате.

– С чего бы ей в висок себе стрелять?

– Мало ли. У богатых, Леночка, свои приколы.

– А второй труп у нас – Стрелков Валерий Иванович, отец Жанны? Ты не находишь, что это как-то?..

– Думаешь, инсценировка?

– Допускаю. Не могла же она убить родного отца, правда?

Оперативники уже закончили осмотр дома, и теперь один из них, капитан Андрей Паровозников, ждал, какие еще распоряжения отдаст Лена. Стоял в дверях спальни и тоже пристально вглядывался в лицо убитой.

– Следов взлома или какого-то еще постороннего проникновения не обнаружено, – сообщил он.

– Остальных обитателей дворца опросили? – повернулась к нему Лена.

– Да. Повар пришел в шесть утра, но он по дому не ходит, у него дверь прямо в кухню, свой ключ. Проверим, конечно. Домработница сегодня выходная, адрес и телефон взял, съезжу прямо сейчас. С садовником Костя разговаривает.

– Садовник – это тот, кто тела обнаружил?

– Да. Он сегодня должен был ехать в оранжерею за каким-то деревом, зашел, чтобы деньги получить у хозяина. Тот обычно рано встает, а сегодня его в кабинете не было. Садовник решил в спальню подняться, а тут это. Он сразу полицию вызвал. Кстати, охрана поселка клянется, что никаких чужих машин не было. У них учет строгий, мэр же здесь живет. Мы журнал посмотрели: все номера машин совпадают с теми, что в списке.

– Это ничего не значит. Могли и не на машине приехать.

– Ага, в голубом вертолете, – фыркнул Паровозников. – Не бывает здесь такого, Елена Денисовна.

– Ладно, разберемся. В документах нашли что-то интересное?

– Ничего. Ее кабинет на третьем этаже, там только отчеты о финансовых поступлениях в фонд и расходовании средств. Еще по галерее какие-то бумажки и отчет о выставке – смета и прочее. Да, еще акт о покупке картины Грабаря.

– Что за картина? – заинтересовалась Лена.

– Кажется, «Мартовский снег». – Андрей полез в записную книжку. – Да, точно, тысяча девятьсот четвертого года картина.

– Не может быть, – вдруг сказала Катя, и Лена с Андреем повернулись к ней.

– Почему? – спросили они в голос.

– Потому что она в Третьяковке хранится.

– И что?

– Вряд ли то, что купила наша галерея, подлинник. Скорее копия. Но я могу у мамы спросить, она точно скажет.

– И кто у нас мама? – с уважением спросил Андрей: люди, разбирающиеся в искусстве, казались ему немножко богами, что ли.

– Мама искусствовед, специалист по передвижникам, – чуть покраснела Катя, смущаясь под пристальным взглядом Паровозникова.

– Катерина, ну-ка, быстренько звони маме. – Он протянул ей мобильный.

– Я со своего лучше, она не любит, когда незнакомые номера...

Через пару минут выяснилось, что Катя права: галерея никак не могла купить подлинник Грабаря. Андрей нахмурился:

– Пойду-ка сумму гляну.

Он ушел куда-то в глубь дома, а Лена с удивлением отметила, как провожает его взглядом порозовевшая Катя. Вот сердцеед. Бедная девчонка.

Андрей Паровозников слыл настоящим донжуаном. От него были без ума почти все сотрудницы прокуратуры моложе пятидесяти, а о его бурных романах судачили иногда даже мужчины. Андрей был красив настоящей мужской красотой. Такая копия древнего викинга – светловолосый, голубоглазый, широкоплечий. В придачу он обладал отличным чувством юмора, что тоже нравилось женщинам. Лена в первый год работы тоже попала под власть его обаяния, однако сумела удержаться. Не любила она такой тип, ей всегда нравились мужчины постарше, более спокойные и интеллигентные. Правда, нынешний роман больше огорчал, чем радовал, но сейчас ей некогда было об этом думать.

– Так, все, я закончил, – объявил Никитин, снимая перчатки. – Можем сворачиваться. Лена, ты в контору?

– Да. Можно с вами доехать? Машина утром не завелась.

– Купи нормальную, – фыркнул Паровозников. – Что, папа-мама не помогут?

– У меня, Андрюшенька, родители адвокаты, а не олигархи, а на собственную зарплату не разгуляешься.

– Кредит возьми.

– У меня принцип – не жить в долг.

– Тогда мучайся, – милостиво разрешил Андрей, наблюдая за тем, как Лена опечатывает помещения.

«С чего начать? – думала Лена, сидя в кабинете и тупо глядя на разложенные перед ней бумажки. – Может, это все-таки убийство? Но должен быть мотив. Кто-то третий? Надо работать. Хотя самоубийство тоже вызывает вопросы. Не люблю такие прямые улики, которые не вызывают сомнений,стораживают они меня».

Голова заболела, и Лена, не глядя, вынула из ящика стола упаковку с обезболивающим и забросила в рот таблетку. Через час приехал Паровозников со списком тех, кто бывал в доме Стрелковых. Домработница даже дала каждому визитеру краткую характеристику, что было особенно кстати.

Первая же фамилия показалась Лене знакомой.

– Голицын, Голицын... Откуда я знаю эту фамилию? – пробормотала она и полезла в толстый ежедневник, куда привыкла записывать номера телефонов: не доверяла записной книжке мобильного.

Голицына не было, хотя Лена честно пересмотрела все исписанные странички.

– Может, показалось. Ладно, разберусь потом.

Бросив взгляд на часы, Лена обнаружила, что можно отлучиться на обед. Накинула плащ, вышла из кабинета и заглянула в дверь напротив:

– Николай Петрович, я в кафе сбегая?

– А ты на два часа сегодня разве не вызывала никого? – Прокурор поднял на нее глаза и снял очки.

– На завтра. Сегодня неожиданно работа привалила.

– Ах да, Стрелковы. Ты зайди ко мне после обеда, подумаем.

Елена Крошина работала в прокуратуре уже десять лет. Пришла туда практиканткой и осталась, хотя родители думали, что дочь продолжит семейную традицию и станет адвокатом. Но Лена не хотела семейственности – боялась, что окажется под прессом родительского авторитета. Отец ничего не сказал, хотя и нахмурился недовольно, а мама долго пила в кухне валерьянку, картинно приложив руку ко лбу.

– Ты как себе это представляешь? – Она бросала на сидящую здесь же дочь пронизывающие взгляды. – Ты не желаешь, чтобы все думали, что мы тебя проталкиваем, неудобно тебе. А сталкиваться по делам с одним из нас тебе будет удобно?

– Мама, не преувеличивай. Ты давно не занимаешься уголовными преступлениями, у тебя другая специализация. А папа, мне кажется, даже не заметит.

– Конечно! Он не заметит, что следствие по делу ведет его дочь!

– Не драматизируй, – поморщилась Лена. – Можно подумать, я не в прокуратуру пошла, а, не знаю, в стрип-клуб.

– Еще не хватало! – рявкнула мама, позабыв о рюмке с валерьянкой.

– Вот видишь. А могло быть и так.

– Спасибо тебе, дорогая! Мы и так с отцом еле пережили твоё увлечение пул-дэнсом.

– Наташа, прекрати! – властно сказал отец, появившись на пороге кухни. – Это её жизнь и её карьера, в конце концов. Пусть делает то, к чему лежит душа.

– Да, к осмотру трупов всяких бомжей душа у неё лежит!

– Хватит, я сказал. Давайте ужинать.

Слово Дениса Васильевича в семье всегда было последним. Наталья Ивановна молча вылила в раковину остатки валерьянки и принялась накрывать стол к ужину.

Столкнуться с отцом в суде за десять лет ей так и не пришлось, и Лена не знала, случайность ли это или отец нарочно избегает дел, которыми занимается дочь.

В вопросах воспитания у родителей смолоду не было единства, и Наталья Ивановна часто винила мужа в том, что Лена выросла слишком замкнутой, скрытной, погруженной в себя. Ее мало интересовали мальчики, она предпочитала проводить время с книгами, которых в доме было предостаточно: много лет Денис Васильевич увлеченно составлял библиотеку, выискивая редкие издания и мыслимыми и немислимыми способами доставая произведения хороших зарубежных авторов.

Внешне Лена ничем не выделялась: обычная девушка довольно высокого роста, с чуть выюющимися каштановыми волосами. У нее была стройная фигура, однако ноги выглядели слегка полноватыми, что Лена удачно маскировала длинными юбками или брюками. Молодые люди обращали на нее внимание, но она не интересовалась ровесниками, а потому в свои тридцать пять еще не была замужем, что приводило мать в отчаяние. Отец же смотрел на ситуацию иначе – считал, что дочь сама разберется с тем, как ей устраивать свою жизнь.

Единственное, в чем оба родителя были солидарны, – неприязнь к ее нынешнему возлюбленному. Никита Кольцов вызывал у обоих возмущение. Во-первых, он был старше Лены на шестнадцать лет, во-вторых, разведен, в-третьих, жил в одной квартире со взрослым сыном и его семьей, в-четвертых, принадлежал к так не любимой Крошиными богеме – занимался фотографией и был, как назло, достаточно известным.

Лена познакомилась с ним случайно в кафе. Начитанный, умный Никита ошеломил ее своими познаниями, особенно в том, что касалось искусства и литературы. Поскольку читать Лена любила, у них с Никитой оказалось много общих любимых авторов, и беседа затянулась почти до ночи. Кольцов предложил проводить ее домой, и они незаметно прогуляли по набережной до самого утра.

С тех пор и началось. Лена даже не сразу узнала, сколько ему лет на самом деле. Выглядел Никита очень хорошо, тщательно следил за собой, занимался спортом, мало курил и всем спиртным напиткам предпочитал легкое белое вино – не более бокала за вечер. Возраст помехой не стал, и вот уже около года они встречались и периодически снимали квартиру для более близкого общения. Приводить Никиту домой Лена не хотела, хотя была уже самостоятельной и могла не отчитываться перед родителями, кто приходит в ее уютную крошечную комнату. Ей казалось, что подобные вопросы должен брать на себя мужчина. Никита это понял и на ее территорию не претендовал, хотя и к себе не приглашал, ссылаясь на сына и его жену – мол, неудобно беспокоить, не хочется объяснять. Лену это вполне устраивало.

Это, но не то, что за без малого год Никита не заговорил ни о чем серьезном. Как любая женщина, она хотела создать семью, родить ребенка, организовать быт в любимом доме с любимым человеком. Но Никита никаких шагов в этом направлении не делал, и со временем Лена сумела убедить себя, что он пока просто не готов ко второму браку. «Ничего, пройдет время, и он поймет, что со мной ему лучше, чем без меня, – успокаивала она себя. – И тогда все у нас будет».

Время шло, а ничего так и не было.

Лена проснулась от неприятных ощущений в желудке. Так бывало всякий раз, когда предстояло что-то сложное. Паровозников вызвал к себе для беседы домработницу убитых Стрелковых и почему-то настоял на Ленином присутствии. Она нехотя согласилась, и вот теперь придется выбираться из постели и ехать в отдел. За окном накрапывал дождь, серое небо было похоже на тяжелое промокшее одеяло, с которого капала вода. Лена мрачно подумала, что придется доставать резиновые сапоги и плащ потеплее. И хорошо бы не забыть зонт, как она

делает это обычно. Всякий раз, уже оказавшись на улице под дождем, она вспоминала, что снова забыла выполнить простое действие – протянуть руку вправо от входной двери и зацепить пальцем изогнутую рукоять большого зонта, стоявшего в специальной подставке. Сегодня она твердо пообещала себе, что без зонта не выйдет.

Под горячей струей в душе Лена окончательно проснулась, и мысли сразу устремились в нужном направлении – какие вопросы задать домработнице, о чем не забыть. Список вопросов она набросала вчера, пока одним глазом следила за развитием сюжета в каком-то бесконечном сериале. Лена не могла находиться в тишине, так что или музыка, или телевизор в ее комнате всегда негромко звучали. Никиту это, кстати, раздражало, – он любил тишину и морщился всякий раз, когда Лена вдруг на съемной квартире тянулась к пульту телевизора.

– Мне хочется молчать, понимаешь? Полчаса тишины. Я успеваю так наговориться за день, что должен помолчать хотя бы дома. Не понимаю, как тебя не мучает необходимость постоянно общаться с людьми. – Он забирал у нее пульт и откладывал так, чтобы его даже видно не было.

Лена этого не понимала. Ее работа тоже связана с людьми, но у нее нет потребности в тишине, скорее наоборот. Едва в помещении становилось тихо, Лену охватывала паника. Ей нужны были любые звуки, пусть даже барабанная дробь. Никита мириться с этим не желал и очень сердился, если Лена пробовала настоять на своем. Она сдавалась, уступала, но обида не проходила: он не понимает ее и не хочет ничем ради нее пожертвовать, даже такой ерундой, как включенный телевизор.

Домработница Стрелковых Ирина Кошкина оказалась довольно молодой женщиной. Одета она была скромно, но Лена сразу поняла, что вещи на ней не с рынка. «Интересно, сколько ей платили, если она может позволить себе туфли почти за пятнадцать тысяч?» – думала Лена, разглядывая бордовые лакированные туфли на устойчивом каблуке. Такую модель недавно мерила Ленина мама, поэтому она знала цену до рубля.

Ирина выглядела спокойной, но комкала в руках платочек и то и дело оглядывалась на Лену, которая заняла место у нее за спиной.

– Вы, Ирина Александровна, давно в доме Стрелковых работаете? – начал Паровозников после того, как с формальностями было покончено.

– Десять лет.

– Да, немало. А что же такую карьеру странную выбрали? Вы же лингвист по специальности, если я правильно понял?

– Много у нас рабочих мест для лингвистов? – слегка огрызнулась Кошкина.

– Не знаю. Но вы же зачем-то выбирали специальность, когда в вуз поступали, правда?

– Конечно! Но не я виновата в том, что домработницы зарабатывают в десять раз больше лингвистов.

– Хорошо, – терпеливо согласился Паровозников. – А как вы попали к Стрелковым? Через агентство?

– Нет. Меня прежняя домработница привела и рекомендовала. Она моя соседка. Возраст уже был не тот, ей стало тяжело, и дочь позвала ее жить к себе в Вологду. Вот она меня Стрелкову и предложила.

Кошкина нервно облизала губы и поправила выбившуюся из-за уха прядь волос.

– Понятно. И что же, вы с хозяином сразу пришли, так сказать, к взаимопониманию?

– Вы на что намекаете? – вдруг взвизгнула она, и Лена удивленно посмотрела на Паровозникова. Тот тоже слегка растерялся:

– Я? Ни на что. Спросил, не возникало ли у вас с хозяином недопонимания, был ли он доволен тем, как вы работаете. Какие намеки, Ирина Александровна?

– Так бы сразу и спрашивали, – немного успокоилась она. – Нет, я очень старалась делать все так, как мне тетя Тася рассказывала.

– Тетя Тася?

– Соседка моя, которая меня на работу устроила. Я первое время к ней каждый вечер бегала, даже тетрадку специальную завела, чтобы туда все мелочи записывать. Понимаете, очень важно, чтобы в доме все делалось так, как хозяйка привыкла: им так удобно, а мне намного проще. Они хорошие люди, вы не подумайте. Жанночка вообще такая славная... – Ирина всхлипнула и поднесла платок к глазам. – Она же слова плохого никому не сказала, вежливая, со всеми на «вы» – и со мной, и с поваром, и с садовником. Никогда голоса не повысит. Да и Валерий Иванович... Кому они могли помешать?

– Вы думаете, что Стрелковых кто-то убил? – вмешалась Лена. Ирина обернулась к ней:

– Я в этом уверена.

– Не понимаю, – нахмурилась Лена. – То вы говорите, что они никому не могли помешать, а то категорически заявляете, что Стрелковых убили. Вам не кажется это странным, Ирина Александровна?

– А в чем противоречие? Люди мертвы, значит, их убили.

– Это совершенно ничего не значит. Люди могли свести счеты с жизнью, например.

– Что? – воскликнула Ирина. – Да это глупости! С собой кончают неудачливые или больные! Валерий Иванович – уважаемый человек, владелец автосервиса, у него клиентура очень важная, и дела идут хорошо. А Жанночка просто умница, вон какую галерею отгрохала, больным помогает. Она вообще святая! С чего ей с собой кончать?

– Действительно, с чего, – пробормотала Лена, делая какие-то пометки в ежедневнике. – Кстати, Ирина Александровна, вы случайно не знаете, что за картину Жанна недавно купила для галереи?

– Знаю. Очень хорошую копию Грабаря «Мартовский снег». Я лично ее видела.

– Значит, все-таки копию. А Жанна знала?

– О чем? Что копию покупает? Конечно.

– Отпадает, – пробормотала Лена. – А еще какие-то крупные покупки в последнее время она для галереи делала?

– Нет, – уверенно сказала Ирина. – Точно нет. Я знаю, что она готовила большую выставку наших местных художников. Там должен был быть аукцион, и деньги пошли бы в фонд. Но вот ведь как, не успела... – Ирина снова всхлипнула.

– Как вы думаете, Ирина Александровна, у Жанны могли быть конкуренты? – вступил в разговор Паровозников.

– Конкуренты? В чем? Думаете, есть кто-то, кто убил Жанночку, чтобы самому больше денег в фонд отдавать? Покажите мне такого человека, мне за всю жизнь не встречались. Жанночка бескорыстная, она всем помогала...

– Может быть, кого-то не устраивала деятельность фонда?

– Но не убивать же за это!

– Это да, это да, – пробормотал Паровозников. – А вот хозяин ваш, Валерий Иванович, – у него не могло быть каких-нибудь недоброжелателей?

Ирина только пожала плечами.

– А у вас их нет? Или вот у девушки? – кивнула она в сторону Лены. – Или у меня?

Паровозников промолчал. Лена видела, что разговор зашел в тупик. Домработница слишком привязана к семье, где работала, и никак не может поверить в то, что ее хозяйка могли причинить кому-то неприятности. А молодую хозяйку она вообще боготворит. Сочтя свое дальнейшее присутствие здесь пустой тратой времени, Лена поднялась и вышла из кабинета.

Она позвонила экспертам: результата экспертизы еще нет. Ничего особенного, но немного расстроилась – казалось, что экспертиза поможет приблизиться к разгадке. Пришлось взять себя в руки и переключиться на другое дело.

Но ей помешали. Едва Лена разложила на столе материалы дела, как в дверь кабинета постучали и на пороге возник высокий мужчина лет тридцати пяти – сорока. Лена даже рот слегка приоткрыла – до того специфической внешностью обладал посетитель. Его светлые волнистые волосы лежали на плечах, лицо было суровым и каким-то каменным, но более красивого мужского лица ей не доводилось видеть уже давно. Ей не очень нравился такой типаж, но не признать того, что посетитель красив, Лена не могла. Чем-то он отдаленно напоминал Андрея Паровозникова, и это сходство ее удивило: почему-то казалось, что такой красавец в природе должен существовать в единственном экземпляре, чтобы не служить наказанием женскому роду.

– Здравствуйте, – громко сказал посетитель и остановился посреди кабинета. – Вы Елена Денисовна Крошина?

– Да.

– Тогда мне к вам, – он по-хозяйски подтянул ногой стул, предназначенный для посетителей, сел и представился: – Меня зовут Павел Голицын, я друг Жанны Стрелковой.

– Я вас не вызывала. – Вряд ли ей удалось скрыть удивление: в их заведение добровольно обычно никто не приходил.

– Я не стал дожидаться, пока вызовете. У меня есть кое-какая информация, возможно, она вам пригодится, – заявил Голицын.

– Информация – это хорошо. – Лена внимательно рассматривала посетителя. – Насколько хорошо вы знакомы с Жанной?

– Мы собирались пожениться.

Лена вспомнила, что на руке убитой Стрелковой видела довольно дорогое кольцо – такие обычно дарят, когда делают предложение.

– И заявление подали уже?

– Нет. Собирались после аукциона. Жанна хотела все дела закончить, подать заявление и поехать в предсвадебное путешествие. У всех это после свадьбы принято, а мы хотели заранее.

– Понятно. А ко мне вы по какому вопросу?

– Держу пари: вы сейчас сидите и размышляете, что мне может быть нужно, – вдруг сказал Голицын. – Скорее всего, думаете вы, у парня нет алиби, и он решил сыграть на опережение – явиться в прокуратуру и выложить все, что знает об... – тут он замялся, и Лена поняла, что говорить о любимой женщине в прошедшем времени, да еще с определением «убитая», ему не по силам.

– Вы почти угадали.

– Я не угадал, – со вздохом признался Голицын. – Просто это очень хорошо укладывается в стандартную схему детектива, Елена Денисовна.

Лена еще раз внимательно посмотрела на сидящего перед ней человека и вдруг вспомнила, откуда ей знакомо это лицо. Павел Голицын был известным автором детективов, и на одной из его презентаций Лена как раз была вместе с Никитой – тот снимал, а она увязалась за компанию.

– Как же я сразу не догадалась, – улыбнулась она. – Теперь вы сможете ввести в свои книги нового персонажа – недогадливого старшего следователя прокуратуры.

– Я, признаться, не надеялся, что вы достанете из стола мою книгу и броситесь за автографом, – улыбнулся в ответ Голицын. – И потом, по всему выходит, что я должен быть подозреваемым – как человек, наиболее близкий Жанне.

– Что, и мотив имеется?

– Вы серьезно?

– Вполне, – кивнула она.

– Я, Елена Денисовна, Жанну люблю... любил. Черт, как же это, оказывается, тяжело и больно, – пробормотал Голицын, сжимая кулаки. – Я два дня назад видел ее живой, мы были вместе весь день, я не хотел ее отпускать, просил, чтобы осталась ночевать у меня, как будто чувствовал... Знаете, Елена Денисовна, – вдруг возбужденно заговорил он, подавшись вперед, – я никогда в приметы не верил, в знаки. А в тот вечер... Мы сидели в гостиной, и в стекло вдруг ударился голубь – изо всех сил. Мне даже показалось, что он упал, но Жанна подошла к окну, посмотрела и сказала, что улетел. А у меня внутри все похолодело: это же, говорят, к известию о смерти. Но я даже представить не мог...

– Погодите, – остановила его Лена. – Значит, получается, что вы видели Жанну Стрелкову в последний раз за несколько часов до ее смерти?

– Получается, так. Она уехала от меня около двух часов ночи. Я уговаривал ее остаться, не хотел, чтобы она по дождю одна в машине. Но Жанна почему-то заупрямилась.

– А она часто у вас оставалась?

– Конечно. Мы ведь взрослые люди, собирались пожениться. Ее отец не возражал, только просил, чтобы Жанна всегда его предупреждала, если у меня ночует. Волновался. Он ее очень любил, пылинки сдувал. У Жанны не было матери, и он ее один воспитывал.

– Матери не было – в том смысле, что Стрелков не жил с женой?

– Нет. Она погибла, когда Жанне было около двух лет. Валерий Иванович не любил об этом вспоминать, поэтому подробностей я не знаю, как не знала их, кажется, и сама Жанна.

Лена, записывая, старалась по возможности следить за тем, как меняется выражение лица Голицына, но ничего, кроме тоски в глазах, не заметила. Писатель вполне естественно переживал гибель Жанны, и Лена почти не сомневалась в искренности его горя. Хотя в ее практике бывали случаи, когда убийца изображал страдания по своей жертве настолько натурально, что даже опытные сотрудники не сразу могли распознать актерскую игру. Но что-то в лице Павла заставляло Лену верить ему.

– Вы с Жанной давно вместе?

– Да, почти семь лет. Хотите, угадаю, о чем вы подумали?

– И о чем же?

– О том, что я приличная сволочь, раз за семь лет не сподобился жениться.

– Не угадали. Я подумала о том, что вы должны хорошо знать и саму Жанну, и ее отца, раз знакомы так долго. Что касается женитьбы... – Лена пожала плечами. – Бывает всякое.

– Вы правы. Жанна не хотела за меня замуж, – вздохнул Голицын. – Мне очень стыдно в этом признаваться, но она отказывала мне дважды.

– Странно. А причины?

– Будете смеяться. Она считала меня слишком красивым.

Лена с удивлением оторвалась от записей:

– В каком смысле?

– В прямом. Так и говорила: красивый муж – это наказание. А красивый и известный – наказание без права его обжаловать. – Чувствовалось, что, говоря все это, Голицын не шутит. В его голосе Лена слышала скрытые боль и обиду.

– Но ведь Жанна, насколько мне удалось понять, была очень привлекательной женщиной. Откуда такие комплексы?

– Это не комплексы, это жизненная позиция. Ей всегда казалось, что моя внешность станет причиной проблем в семье. И поклонницы, конечно... Вы ведь понимаете, что зачастую читатели отождествляют автора с его героями и хотят какого-то соответствия, что ли. Тем более когда автор – мужчина, а основная его аудитория – женщины. Ведь не секрет, что как раз женщины у нас самая читающая часть населения, правда? Именно женщины посещают всякого рода встречи и презентации. И хотят видеть в авторе черты его героев, особенно героев

ярких и харизматичных. А Жанна не хотела, чтобы наша жизнь стала историей для очередного романа. Я много езжу – торговля лицом иной раз необходима. Мне много пишут поклонницы, и я не скрывал этого от Жанны, врать не хотел. Словом, всякое такое. И только в этом году мне удалось убедить ее, что семейную жизнь я в свои романы не потащу.

Голицын умолк. Лена дописала последнюю фразу и подняла голову:

– А отец Жанны? Он как относился к происходящему?

– Валерий Иванович? Он меня очень долго не принимал. – Голицын откинулся на спинку стула. – Проверял все, присматривался, даже детектива нанял. В общем, я его могу понять: единственная дочь. Но было неприятно. Он умел так смотреть, что хотелось убежать. Но когда убедился, что ничего плохого я Жанне не сделаю, как-то отмяк, что ли. В последнее время вообще считал, что я ей уже муж, независимо от штампа.

– Иначе говоря, ваши отношения складывались нормально?

– Вполне.

– А вообще у них в доме много народа бывало?

– Много. Некоторые имена я даже называть не буду. – Голицын многозначительно выделил первое слово. – К Валерию Ивановичу обращались за помощью, если нужно было быстро и качественно починить машину или продать. И он помогал. А ему потом были благодарны.

– Деньги приносили?

– Этого я не знаю, – развел руками Голицын. – Как вы понимаете, не настолько я еще был в доверии, чтобы такие вещи со мной обсуждать. Собственно, – он вдруг бросил взгляд на часы, – у меня время на исходе. Я-то пришел вот зачем. Мне кажется, что в последнее время у Жанны что-то произошло, и об этом она ни с кем не говорила, даже со мной. Но я знаю, что она вела дневник. Много лет. Хранила где-то в доме, но где точно, не могу сказать. Мне кажется, если вы его найдете, сможете что-то узнать.

– Я подумаю об этом. Позвольте последний вопрос: а как вы поняли, что у Жанны что-то произошло?

– Она перестала улыбаться. Даже со мной. Жаловалась, что плохо спит ночью. Ей, кажется, даже снотворные препараты врач назначил, потому что она могла не спать по две-три ночи подряд, а потом очень страдала – перепады настроения, раздражительность, понимаете? А работа у нее все-таки с людьми, и в таком состоянии как-то негоже... Телефон врача я вам могу написать, вдруг пригодится.

Лена кивнула и протянула листок и ручку. Голицын быстро набросал несколько цифр и размашисто расписался внизу листка. И немедленно же смутился:

– Черт возьми, привычка. Простите, это машинально.

– Ничего, пусть будет. – Лена сунула листок в ежедневник. – Спасибо вам, Павел. Если понадобится, я вас вызову.

– Вы можете звонить мне в любое время. – Голицын аккуратно вытянул листок из ее ежедневника и добавил еще один номер. – Я к вашим услугам всегда, когда сочтете нужным.

– Больше не задерживаю, – сухо ответила Лена, почему-то решив, что писатель флиртует, но уже через минуту ей стало стыдно за эту мысль. Ни единого намека на флирт в его словах не было, только желание помочь.

Голицын попрощался и вышел из кабинета, а Лена еще долго смотрела на лежащий перед ней листок с двумя телефонами и витиеватой размашистой подписью.

К ее удивлению, Никита ждал возле здания прокуратуры. Такого никогда раньше не было. Сердце радостно забило в предвкушении вечера, а может, и целой ночи вместе – если повезло с квартирой. Но лицо Никиты было хмурым и недовольным.

– Привет. – Она чмокнула его в щеку.

– Привет. Ты долго, я уже сорок минут здесь торчу.

– Но мы ведь не договаривались. Я не знала, что ты ждешь, иначе освободилась бы раньше, – начала оправдываться Лена.

– Ничего, не развалился, не сахарный, – буркнул Никита, выразительно глядя на свои мокрые кроссовки.

– Ты со съемки? – Она заметила у него на плече внушительный кофр с фотокамерами.

– Да, работал здесь недалеко, решил за тобой зайти.

– Куда пойдем?

– Я голодный с самого утра, ничего не успел – весь день на ногах и в запарке. Модель дура, явилась на час позже, заказчик весь извелся: студия дорогая. Ничего толком снять не смогли, она редела постоянно, макияж дважды переделывали. – Кольцов в раздражении шагнул в сторону ресторанчика итальянской кухни наискосок от здания прокуратуры.

Наблюдая за тем, как Никита располагается в кресле, как вальяжно берет из рук официанта карту меню, как лицо его становится чуть брезгливым, Лена вдруг подумала, что совершенно не знает, что творится внутри у этого человека. У него своя жизнь, которая идет параллельно, и он совсем не стремится ввести ее, Лену, в эту жизнь. А зачем, собственно? Он человек из божественного мира, натура тонкая и чувствительная, да еще дворянских кровей (хотя какие уж там, если вдуматься, дворяне в послереволюционной России). И она – со своими трупами среди ночи, эмоционально опустошающей работой и происхождением от сохи. Никита порой довольно обидно шутил по этому поводу, Лена старалась не слушать или пропускать мимо ушей, но иной раз становилось очень неприятно. Кольцов носился со своей прапрабабкой, вхожей в императорский дворец, как с писаной торбой, и поминал ее к месту и не очень. Лену это сместило, но вслух она благообразно об этом не высказывалась, понимая, что Никите подобное не понравится.

– Ты что, ужинать не будешь? – услышала она и встрепенулась:

– Нет, я не голодная. Мы чаю с тортом попили недавно.

– А говорят, что у прокуроров работа тяжелая, – усмехнулся Никита, закрывая меню. – А ты вон тортики с чайком на рабочем месте.

Ссориться не хотелось, поэтому Лена, как обычно, промолчала. Такие вспышки недовольства у Никиты случались довольно часто. Люди вообще его раздражали, и даже поход в ресторан вечером после работы превращался для него скорее в повод излить желчь, чем приятно провести время. Лена уже не первый раз ловила себя на том, что становится своеобразным громоотводом: именно на нее Никита изливает недовольство окружающей действительностью.

Она заказала себе только кофе и сейчас наблюдала за тем, как он аккуратно режет на мелкие кусочки телячью отбивную. Удивительно, но даже сейчас его лицо не стало менее хмурым.

– У тебя все в порядке?

– Предпочитаю не обсуждать проблемы за едой.

И Лена снова умолкла, глядя на белоснежную пенку, обрамляющую края ее кофейной чашки. Вечер явно не предвещал ничего приятного. Самое время бы встать и поехать домой. Никита, похоже, не настроен на романтику, а она настолько устала, что не хочет выслушивать его колкости.

Но она не встала и не ушла. Привычка поддерживать тех, кому плохо, в ситуации с Никитой всегда служила ей дурную службу. Но она не находила душевных сил для того, чтобы бросить его здесь одного, такого уставшего, промокшего и озлобленного.

– Может, поедим ко мне? – предложила она, когда он наконец отодвинул тарелку с приборами.

– Зачем? – удивился он. – Я снял квартиру.

– Прости, ты же не сказал.

– Теперь говорю, какая разница? Главное, что ключи у меня, и через двадцать минут я перестану видеть эти рожи. – Он неопределенным жестом обвел зал ресторана.

– Ты так и не сказал, все ли в порядке.

– Нет. Не в порядке. Не в порядке, но к тебе это не имеет отношения, успокойся, пожалуйста. Идем.

Он вложил в папку со счетом несколько купюр, поднял с пола кофр и протянул Лене руку. Она оперлась на нее, выбралась из-за стола и последовала за ним к выходу.

Квартира, которую Никита снял на сегодняшнюю ночь, оказалась довольно просторной и уютной, даже не скажешь, что ее сдают посуточно. Лена огляделась и подумала, что не прочь и сама такую иметь.

– Просторно, правда? Воздуха много. – Никита вышел на балкон.

– Да.

– Леночка, ты меня прости за сегодняшнее настроение, хорошо? – попросил Никита, возвращаясь в комнату и привлекая Лену к себе. – Съемка эта неудачная, погода дрянь, и вообще настроение не очень. Не смог сдержаться.

Он поцеловал Лену сперва в лоб, потом в щеки и наконец прикоснулся к ее губам. Она закрыла глаза. Близость с ним всегда оставляла ощущение счастья, это было, пожалуй, то небольшое, что осталось неизменным с момента их знакомства. В остальном же Никита изменился. Или он таким и был, просто Лена, ослепленная его яркостью, не замечала этого. За год выработалась привычка, и теперь многие вещи не казались такими уж привлекательными, скорее раздражали, и она вынуждена была скрывать это раздражение, давить его в себе.

Сегодня Никита был удивительно нежен, наверное, на самом деле понял, что перебрал. Лена задремала, уютно устроившись у него под боком и обняв рукой за талию.

– Тебе дым не мешает?

– Нет. Вокруг меня курят все, – пробормотала Лена, не желая просыпаться.

– Когда у тебя отпуск? – вдруг спросил Никита.

– В сентябре. Долго еще.

– Да. Все лето одна тут торчать будешь.

– Почему одна?

– Я обычно летом уезжаю в Европу.

Лена повернула голову и посмотрела Никите в лицо:

– Но в прошлом году ты был здесь.

– Да, в прошлом был. Обстоятельства вынудили. Но в этом непременно уеду – Италия, Испания, Франция. Может, Греция – на Корфу не был никогда, очень хочу.

Лена вздохнула. Человек не обсуждает с ней планы на отдых, он ставит ее перед фактом – я уеду, и хоть трава не расти. И ее, Лены, в этих планах тоже нет. И вообще нет ни в каких его планах.

– А ты не хочешь, чтобы я поехала с тобой? – вдруг спросила она и едва не прикусила язык от собственной наглости.

Никита удивленно посмотрел на нее:

– А зачем? Я буду работать. Да и отпуск у тебя в сентябре, куда ты поедешь?

– Но я ведь могу взять пару недель за свой счет.

– Не понимаю зачем. Я не валяться туда еду, я работаю, снимаю. А ты что будешь делать?

– А что я делаю здесь?

– Здесь ты работаешь, живешь, с подругой встречаешься, наконец. А там все время будешь сидеть в номере отеля и упрекать меня, что я не уделяю тебе времени. А у меня этого времени просто не будет. Я уже сейчас заказов набрал, а к лету вообще их будет миллион.

– Никита, скажи хоть раз правду, – вскипела Лена. – Возьми и скажи правду: ты не хочешь, чтобы я ехала с тобой. Не хочешь! И дело не в работе. Дело в том, что я тебе не нужна

нигде, кроме как вот в этой постели. Или в другой, какая разница? Нигде, кроме постели! Ты меня стесняешься, не знакомишь с друзьями – а мы уже больше года вместе!

На лице Никиты появилось почти безразличное выражение:

– Лена, прекрати истерику. Никто тебя не стесняется. Что за глупости тебе в голову приходят?

Но Лена уже не слушала его – она одевалась, чтобы как можно скорее уйти отсюда, из этой такой прекрасной, но такой чужой квартиры.

Разбудил ее с утра звонок Паровозникова. Андрей был зол после ночного дежурства, а потому в выражениях не стеснялся:

– Крошина, начальство твое вообще с головой как? Не очень конфликтует?

– А что случилось? – Она с трудом продрала глаза, и голос со сна звучал хрипло.

– Ты заболела, что ли? Очень вовремя!

– Я здорова, а ты прекрати орать. Что случилось?

– Мне велено срочно ехать и искать в доме убитых Стрелковых какой-то дневник. Твоя идея?

– Идея не моя, но ее обязательно нужно проверить. Не понимаю только, почему ты не от меня об этом узнал.

– Да какая разница от кого? – взвился Андрей. – Мы всю ночь в канализационном люке трупы трех бомжей обнюхивали, я мечтал о пенной ванне и стопке водки, а тут это!

– Андрюша, не ори, а? – попросила Лена жалобно. – Хочешь, я с тобой съезжу?

– А вот хочу, представь себе! – как-то подозрительно легко согласился мстительный Паровозников. – Очень хочу, потому что на улице ветер, дождь и мерзость, и я не желаю в одиночку по такой погоде тащиться за город.

– А ты не на машине?

– Представь себе, нет. Колеса мне на стоянке какой-то урод порезал, а времени на шиномонтажку, как ты понимаешь, не было.

– Ладно, жди меня, я сейчас приеду, – вздохнула Лена, выбираясь из постели.

– Я в управе, сюда заскакивай.

Сидя за рулем, Лена с сожалением подумала, что сапоги все-таки нужно было надевать резиновые: апрель в этом году выдался теплым и таким дождливым, что впору вместо машины покупать лодку. Ноги она промочила насквозь, пока бежала от подъезда к парковке, а там еще ухитрилась провалиться в замаскированную большой лужей ямку на асфальте, и в правом ботинке теперь хлюпало. Это плохо – ноги у нее всегда были слабым местом, именно с них начинались простуда и прочие радости. В кабинете у нее, конечно, есть сменные туфли, но пока она попадет в прокуратуру, пройдет много времени, и смысл в переобувании пропадет. Придется в профилактических целях выпить что-то от простуды, иначе все, пиши пропало, она ляжет минимум на неделю, а то и больше, а сейчас это, как справедливо отметил Паровозников, вообще не вовремя.

Андрей ждал ее на крыльце, курил, переминаясь с ноги на ногу, и делал вид, что не замечает, как рядом давятся сигаретным дымом две молоденькие девицы в курсантской форме. «Очередные жертвы», – подумала Лена, посигналив. Андрей выбросил сигарету и поспешил к машине.

– Наконец-то! Я уж думал, эти гарпии в курсантских погонах меня живьем сожрут.

– Но ты, конечно, был тверд, как скала, – поддела она с улыбкой.

– Конечно! Даже сделал вид, что не заметил, как одна из них мне зажигалку не вернула.

Останови, кстати, где-нибудь у супермаркета, надо купить, а то и прикурить не от чего будет.

Лена только головой покачала.

– Так что там за история с дневником? – взъерошив волосы, спросил Андрей.
– Да понимаешь, вчера ко мне жених убитой Стрелковой приходил.
– Сам? – Андрей даже развернулся к ней от удивления.
– Да. Кстати, знаешь, кто у нас жених? Павел Голицын, детективщик.
– Ну да! – не поверил он. – Разыгрываешь?
– Делать мне нечего. Вон у меня в ежедневнике и листок с его автографом имеется, можешь убедиться лично.

– А ты что, поклонница?

– Можно подумать, мне на работе детективов не хватает! – фыркнула Лена, перестраиваясь в правый ряд, чтобы остановиться на парковке у супермаркета. – Он мне номер телефона оставил, ну и расписался по инерции, даже смутился.

– Интересная история. А зачем он приходил?

– Натолкнуть меня на мысль о дневнике. Так и сказал: Жанна дневник вела много лет, но что там – никто не знал. А в последнее время она изменилась, замкнулась и вроде как что-то от всех скрывала, – объяснила Лена, паркуя машину. – Вот Голицын и решил, что она могла в дневник записывать все свои переживания. Кстати, это вполне похоже на правду.

– Не знаю. Обычно так делают те, кто мало общается или по каким-то причинам людей не любит. А у Стрелковой, как мне кажется, с этим проблем не было.

– Так, иди-ка за своей зажигалкой и заодно купи мне какую-нибудь булку, что ли, я из-за тебя позавтракать не успела. По дороге договорим.

В супермаркете Андрей пробыл долго. Она успела за это время позвонить матери, сделать пару пометок в ежедневнике и сбросить звонок Никиты – разговаривать с ним настроения не было. Но внутри стало тепло: он все-таки позвонил первым, значит, не сердится за ее вчерашнюю выходку. Ничего, она сама перезвонит позже.

Наконец появился Андрей – еще более злой, чем с утра. Сел в машину, сунул Лене в руки пластиковый стакан с кофе и довольно горячий бутерброд с ветчиной и сыром в большой булке.

– Кто-то, кроме нас, вообще старается работать? – заворчал он. – Десять касс – один кассир, а очередь такая, как в советское время за дефицитом.

– Так утро же, – выворачивая с парковки и стараясь держать ровно стакан с напитком, объяснила Лена. – В это время скидки для пенсионеров, вот и очереди.

– Ага, как обычно, благое дело превратили в цирк с конями.

– Ой, не гунди, Андрей! – отмахнулась она. – Ты и так с утра невыносим, а сегодня просто наказание какое-то.

– Тебя бы на всю ночь в канализационный люк к трем разлагающимся бомжам, а потом оставить без душа и нормального завтрака еще на день – я бы поглядел, как бы ты улыбалась, – буркнул Андрей и, откинув спинку сиденья, завернулся плотнее в куртку. – Ты меня толкни, как приедем, я чуток подремлю, совсем глаза слипаются.

Лена сделала тише радио, чтобы звуки не мешали действительно измотанному коллеге, и сосредоточилась на дороге. Моросил дождь, «дворники» работали беспрерывно, но это не особенно помогало. Лена водила машину уверенно, права получила еще в восемнадцать и с тех пор проводила за рулем куда больше времени, чем передвигаясь пешком. Но даже ей на загородной трассе сегодня было тяжело: плохая видимость, туман, внезапные вереницы фур впереди. До поселка пришлось ехать довольно долго, обгонять при такой видимости Лена все-таки не решилась. В конце концов, торопиться особенно было некуда: ключи от дома у нее, дом опечатан, их там никто не ждет, а начальство в курсе, куда она поехала.

У ворот поселка ее остановила охрана, Лена высунула в окно красную книжечку, но даже это не заставило охранника сразу поднять шлагбаум. Он обошел машину, записал номера в журнал и только после этого нажал кнопку. Проезжая под поднявшийся шлагбаум, Лена про

себя отметила, что проникнуть на территорию просто так не получится – действительно все записывают.

Под крышей поста она увидела четыре камеры, ориентированные на разные участки подъезда к шлагбауму. «Значит, все-таки мог быть только кто-то свой, тот, кто известен охране или не боится, что номера машины будут зафиксированы», – подумала она, выезжая на ту улицу, где стоял дом Стрелковых. У ворот она остановилась и полезла в сумку, где лежали связка ключей и пульт управления. Андрея она разбудила только после того, как припарковалась во дворе и закрыла ворота. Он сонно поморгал ресницами:

- Что, уже?
- Уже? Да я почти час сюда тащила!
- Да? Надо же, как уснул. Показалось, что всего пять минут.
- Пять минут. Храпел всю дорогу, как...
- Ой, ладно, – выходя из машины, отмахнулся он. – С устатку еще не так захрапишь.

Идем в дом, что ли?

– Да, начнем оттуда, пожалуй. – Она щелкнула кнопкой сигнализации и окинула беглым взглядом огромное пространство двора с хозяйственными постройками.

- Думаешь, что тайник может быть и не в доме?
- Вполне вероятно.
- Слушай, подруга, мы же здесь на месяц прилипнем, если так.
- Это ты загнул, конечно. Но повозиться придется.

Лена поднялась по ступенькам, сняла бумажную полоску с печатью и открыла замок.

В огромном пустом доме было уютно. В прихожей она огляделась и растерянно обернулась к Андрею:

- С чего же начинать?
- А с чего хочешь. Можем сверху пойти, там же спальня хозяйки? Вот оттуда я бы и начал.
- Знаешь, а я как раз склонна думать, что в спальне ничего и нет. Вот я бы точно не делала тайник там, где его будут искать прежде всего.

– Ой, Ленка, да кто бы там искал, если бы Жанну не убили? Кто вообще мог бы интересоваться этим дневником?

– Возможно, ты и прав, – протянула она, все-таки направляясь к лестнице на второй этаж. – Но если Жанна не показывала дневник никому, логично же подумать, что она спрятала его там, где труднее будет найти?

– Логично-то логично. Только вот с вами, бабами, фиг вообще разберешь, как логика работает.

Лена не стала отвечать на эту колкость. Ясно, что уставший и невыспавшийся Андрей любое слово будет воспринимать в штыки, а постоянно обмениваться словесными шпильками не хотелось. Сейчас нужно было решить, где первым делом стоит искать дневник.

Просторная спальня Жанны, оформленная в модном стиле прованс, казалась холодной и неприветливой, но это Лене как раз было понятно. После смерти хозяйки отсюда ушла радость. Почему-то она не сомневалась, что еще совсем недавно здесь было весело, уютно, тепло. Белая кованая кровать, большой комод явно ручной работы, на нем милые безделушки и фотография тоже в кованой белой рамке. Лена подошла ближе – на фото были запечатлены Жанна и Павел Голицын на фоне какого-то готического собора. Приглядевшись, она узнала собор Святого Вита в Праге – они были там пару лет назад с подругой Юлькой. Лицо Жанны было таким счастливым и безмятежным, она так доверчиво прижималась к Голицыну, который возвышался над ней, что никаких сомнений не оставалось: они с Павлом действительно любили друг друга и были близки.

Сзади деликатно покашлял Андрей – знал Ленину привычку задумываться и отключаться, потому не хотел испугать резким звуком:

– Ты думаешь о том же, о чем я?

– Да. Голицына из списка подозреваемых смело можно вычеркивать. Невозможно так любить и потом... – она кивнула на фото. – Ты видишь, какие у них обоих лица?

– Вижу. Что ж, минус версия.

Андрей дотянулся рукой через Ленино плечо, поправил фотографию на комод и случайно смахнул на пол небольшую пузатую шкатулку. Шкатулка открылась, содержимое вывалилось на белый пушистый ковер. Лена укоризненно покачала головой и присела на корточки.

– Ты как слон в посудной лавке.

– Во-во, собирай пока побрякушки, а я за картинами пошарю.

– Вот не думала, что ты такой банальный, Паровозников, – поддела она, не удержавшись. – За картинами! Думаешь, теперь кто-то делает тайники за картинами? Это же такой старый штамп, заезженный во всех фильмах и книгах, что даже смешно.

– А вот тут ты ошибаешься, подруга. – Андрей аккуратно снял со стены небольшую картину, изображавшую лавандовое поле. – Как известно, все ценное лучше хранить на видном месте. Или в таких банальных тайниках, как сейф за картиной. Хотя бы потому, что большинство рассуждает так, как ты.

Увы, теория капитана Паровозникова не подтвердилась: поверхность стены за лавандовым полем была абсолютно гладкой. Пришлось вернуть картину на прежнее место. Андрей почесал макушку и предостерегающе произнес, глядя, как начальница заулыбалась:

– Даже не вздумай. Всякое бывает, в том числе и небольшие просчеты.

– Шел бы ты в соседнюю комнату, а? Может, так быстрее будет? – предложила она, продолжая собирать в шкатулку безделушки с ковра.

Здесь были какие-то ракушки, камешки, пара совсем дешевых браслетиков, которые обычно продаются на приморских рынках и набережных разных стран, свернутый в маленькую птичку проездной билет из Праги, серьги в виде прозрачных фонариков, внутри которых пересыпался подкрашенный песок, – тоже дешевые и явно чешские. Лена помнила, что такие продаются на Карловом мосту. Никаких драгоценностей – эту шкатулку хозяйка использовала для хранения вот таких милых памятных вещей.

Единственным, что привлекло внимание Лены, был ключ. Средних размеров ключ с круглой головкой, плоский, явно не подходящий для дверного замка, например. Лена повертела его в руках и отложила. Стоило, наверное, попробовать открыть что-то в доме с его помощью. Она вернула шкатулку на место и попыталась вставить ключ в замок верхнего ящика комода, но ключ оказался существенно меньше отверстия. Комод не был заперт, не был заперт и ящик косметического стола. Интересно, за каким нарисованным очагом прячется дверца, которую отпирает этот ключик?

– Ленка, нет в соседней комнате ничего. – Андрей возник на пороге и прервал ее размышления. – Это ж кабинет хозяйки, мы там все в прошлый раз перевернули.

– Вы тогда не это искали.

– Обижаешь. Я всегда держу в уме возможность найти что угодно.

– Хорошо. Тогда спускайся на этаж ниже. И попутно коридор посмотри, вдруг...

– А это чего у тебя?

– Да вот ключ нашла. Но он никуда не подходит.

Андрей забрал у нее ключ, осмотрел и фыркнул:

– Ты совсем дикая, Ленка. Это ж ключ от банковской ячейки. Никогда не видела?

– Откуда?

– Тогда верь на слово.

Она внимательно посмотрела на Андрея:

– А можно узнать, в каком банке эта ячейка?

– Вряд ли. Хотя... Наверняка ведь в каждом банке своя система замков. Я так думаю.

– То есть придется искать и это?

– А что делать? Если только в бумагах найдем договор на аренду ячейки, – развел он руками.

– Значит, надо смотреть в документах, – решительно сказала Лена и направилась в кабинет убитой Жанны Стрелковой. – Ты пока поищи еще, а я займусь бумагами. К счастью, эта дама отличалась такой пунктуальностью и скрупулезностью, что каждая папка пронумерована. Думаю, это мне здорово поможет.

– Ты начальник, тебе решать, – пробурчал Андрей ей вслед.

В кабинете Лена на пару минут остановилась перед большим книжным шкафом, на открытых нижних полках которого рядами стояли папки. Предстояло решить, с какой именно начать. Папки были одинаковыми, как будто Жанна, подбирая их, специально заботилась о том, какое впечатление они будут производить на всякого, кто входит в ее кабинет.

Лена выбрала наугад три папки, села за стол и углубилась в изучение. Ничего интересного не встречалось, зато удивило, что Жанна годами хранила самые разные чеки, заботливо подклеенные и подобранные по числам.

– С ума можно сойти, – пробормотала Лена. – К чему такая педантичность? Как будто готовилась к аудиторским проверкам, хотя все здесь личные покупки.

Судя по всему, Жанна любила украшения. Изрядная часть чеков была из ювелирных магазинов, и Лена вспомнила, что опись принадлежавших Жанне драгоценностей составила список на четыре листа. В отдельной папке нашлись даже чеки на продукты, и это уже совсем не укладывалось в Ленины представления о жизни. В их семье не было принято вести подобную бухгалтерию.

За просмотром документов она провела почти три часа, за окном уже начало темнеть. Андрей уже несколько раз заходил в кабинет и всем видом демонстрировал неудовольствие по поводу столь долгой и совершенно непродуктивной работы.

– Если хочешь, поезжай домой, – не отрываясь от бумаг, проговорила она.

– Мы сюда приехали на твоей машине. Прикажешь мне пешочком до станции прогуляться? Она здесь довольно далеко.

– Тогда, будь добр, не маячь, а? Ты меня очень отвлекаешь.

– Жрать охота, – пожаловался Андрюха, усаживаясь на небольшой диван в углу кабинета.

– Возьми у меня в сумке шоколадку и не ной.

– А батона колбасы у тебя в сумке нет?

– А кастрюлю борща тебе не организовать?

– Было бы неплохо. Но, по-моему, ты его варить не умеешь.

– А вот в этом ты ошибаешься. Борщ я варю отменный. Будешь хорошо себя вести – как-нибудь приглашу в гости. А сейчас съешь шоколадку и умолкни хоть на тридцать минут, нытик.

Андрей с упоением порылся в ее сумке, отыскал шоколадку, потом долго шелестел оберткой и с аппетитом принялся жевать.

– Хочешь кусочек? Говорят, хорошо мозги стимулирует, – спохватился он, но Лена отказалась:

– Я и так нормально соображаю.

– Как хочешь, – отправляя в рот последний квадратик, согласился Андрей. – Что, ничего не нашла?

– Нет. – Она со вздохом закрыла последнюю папку. – Версия оказалась ошибочной.

– Почему? Может, она на работе договор хранила.

– Может. Тогда завтра надо в галерею ехать.

– Это уже без меня. Возьми Катюку, пусть поможет, чего ей возле меня торчать.

– Что, устал от томных взглядов?

– Во как! – Андрей провел ребром ладони по шее. – Иной раз объясняю что-то, а она молчит и только глазами хлопает, как корова.

– Грубый ты.

– Зато честный. Так возьмешь?

– Надо спасти тебя, измученного страстями, – притворно вздохнула Лена.

– Буду тебе век обязан.

– Сочтемся.

Они вышли из дома, снова опечатали дверь и направились к машине. Уже смеркалось, Лена включила фары. У шлагбаума их снова ждала проверка. Охранник осветил фонариком номера машины, сверил их с записью в журнале, поставил отметку о времени выезда и только после этого выпустил машину.

– Слушай, а здесь реально мухи с паспортами летают, – зевнул Андрей.

– Выходит, не все, раз двойное убийство. Тебя домой?

– Нет, на обочине меня выброси. Домой, конечно! Тачку я завтра с утра в шиномонтажку отгоню, пораньше приеду. А сейчас бы в теплую ванну с солью, пивка баночку и спать. – Он мечтательно вытянул ноги. – Слушай, Ленка, а как ты расслабляешься вообще?

– Я не напрягаюсь.

– Ты-то? Да ты ж трудоголик у нас, это всем известно. Должен у тебя быть способ отдыха?

– Отстань, а? Я сейчас тоже домой приеду, поужинаю, если мама что-то приготовила, и спать лягу.

– Хорошо, когда мама ужин готовит.

– Она делает это крайне редко, – улыбнулась Лена. – Работает много, и по кухне у нас папа в основном.

– Папа? Такой известный адвокат – и на кухне?

– А это как раз его способ расслабиться. Просто сегодня он уехал куда-то в район к клиенту, и мы с мамой вдвоем.

– И тебе не надоело с родителями жить? Ведь не девочка уже.

– Я об этом не думаю.

– Нет, ну как? А мужика привести?

– Ты чего пристал ко мне?

– Да интересно просто: куда-то же ты со своим фотографом ходишь? Должны же вы где-то встречаться в более уединенной обстановке, а?

– Может, мы у него встречаемся? Может, у него особняк за городом?

– Ага. Как будто я не представляю, сколько зарабатывает фотограф. А ты у нас барышня непрактичная, тебе чувства подавай, а на материальном ты не зацкливаешься.

– С чего ты взял?

– Да ты на машину свою глянь!

– И чем тебе моя машина плоха?

– Могла бы что-то посолиднее купить.

– Меня устраивает. И все, хватит, ты меня нервируешь, сейчас пополним сводку происшествий.

– Все, молчу. Очень пивка хочется, а в больницу – не очень.

Андрей умолк.

До города доехали в полной тишине. Лена привезла Андрея к его дому, они распрощались, и она повернула на соседнюю улицу, где жила сама.

Мама была дома, сидела за кухонным столом с ноутбуком и что-то писала, ожесточенно стуча по клавишам.

– Ты чего такая недобрая? – снимая ботинки, поинтересовалась Лена.

Наталья Ивановна оторвалась от своего занятия, сняла очки и вздохнула:

– Напряженная переписка с клиентом. Люблю богатых идиотов, плодящих детей по всему свету, а потом отказывающихся признавать факт отцовства.

– Приятные люди, согласна.

– Мой руки, будем ужинать, я тебя ждала.

– Сейчас, только переоденусь.

К тому моменту, когда Лена вышла из ванной, Наталья Ивановна успела убрать ноутбук и накрыть стол к ужину. Вдохнув запах жареной картошки, Лена почувствовала, как проголодалась за день.

– Ты где была так долго? – поинтересовалась мать, накладывая ей картошку и маринованные помидоры.

– Осмотр места происшествия, – коротко сказала Лена, берясь за вилку. – Искали важный документ и не нашли.

– С кем была?

– С Андреем, с кем еще. Хорошо, что он согласился, я бы одна побоялась ехать. Жуткое ощущение, когда находишься одна в доме, где произошло двойное убийство.

– Погоди, это у вас дело Стрелковых в производстве, что ли? – Наталья Ивановна села напротив дочери и с напряжением уставилась на нее.

– Да. Уже звонят везде?

– А как же! Не последний человек был, да и дочь – персона известная.

– А ты вообще что-то о них слышала? – спросила Лена, уписывая картошку.

– Папа однажды обращался к Стрелкову за помощью, – уклончиво ответила мать.

– Да? Не знала. И что, помог?

– Помог.

– А скажи, папа с ним как-то рассчитывался?

– Этого не знаю. А к чему вопрос?

– Мне его несостоявшийся зять намекнул, что со Стрелковым обычно рассчитывались крупными суммами или какими-то услугами.

– Ты же знаешь нашего папу. Он свои услуги никому не предлагает, его обычно сами разыскивают. А деньги... Наверное, что-то заплатил, я действительно не знаю. Ты ешь, а то остынет. И посуду помой, пожалуйста, если не очень устала. Мне надо закончить с письмами.

– Хорошо.

У мойки Лена вдруг рассмеялась:

– Знаешь, я понимаю Агату Кристи, которая говорила, что придумывает сюжеты, когда моет посуду. Действительно хочется кого-нибудь убить. Может, посудомоечную машину купим?

– Ты ведь знаешь: папа считает, что в семье, где есть две пары женских рук, такая вещь излишество. – Наталья Ивановна улыбнулась, не отрываясь от экрана ноутбука.

– Папа прямо старообрядец какой-то.

– Но, согласись, он прав.

– Мам, – Лена села за стол и вытерла руки полотенцем, – скажи, а вам не обременительно то, что я до сих пор живу с вами?

– Что за глупости?

– Я же взрослая женщина уже, могла бы жить отдельно.

– Могла бы. Но разве тебе плохо с нами?

– Хорошо. Но в том-то и дело, что мне настолько хорошо с вами, что я даже не делаю попыток стать самостоятельной.

– Так и не делай, пока не возникла необходимость. А к чему ты вообще завела этот разговор? Или, может, твой Кольцов решил сделать тебе предложение?

– Умеешь ты в больное место ударить, мамочка. Ты ведь отлично понимаешь, что Никита не сделает мне такого предложения. Знаешь, что он мне на днях рассказал? Как один его друг много лет прожил с женщиной, а потом она настояла на том, чтобы оформить отношения. И этот день они теперь называют днем победы.

– Даже не знаю, кто в этой ситуации более мерзок – тот, кто так поступил, или тот, кто об этом рассказывает.

– Оба хуже, мама, оба хуже, – вздохнула Лена. – Ладно, пойду я спать, завтра опять бумажки...

Катя ждала у входа в галерею. Пряталась от ветра за колонной и дрожала.

– Что же ты внутрь не зашла? Холодно же! – Лена схватила ее за озябшую руку и втянула в холл.

– Я недолго стою, – шмыгнула носом Катя.

– Только простуды не хватало! Ничего, здесь буфет есть, сейчас чаю горячего выпьешь, согреешься. – Лена стянула с шеи шарф и устремилась к гардеробу. – Снимай куртку, пойдем сперва тебя в чувство приводить.

За барной стойкой скучала молодая женщина. Заметив Лену и Катю, она встрепенулась:

– Здравствуйте. Вы на выставку?

– Нет, мы по делу, но для начала сделайте нам чаю горячего, пожалуйста, – попросила Лена и уселась за столик.

– Хотите с медом?

– Да, это будет отлично. Садись, Катя.

Та устроилась напротив и снова шмыгнула носом.

Почти сразу перед ними появились прозрачный чайник, две чашки и вазочка с медом.

– Может, булочки попробуете? – предложила бармен. – У нас отличная выпечка.

– Нет, спасибо, нам рассиживаться некогда.

– Как хотите.

Катя обняла двумя руками чашку и сделала глоток:

– Спасибо, Елена Денисовна.

– Ты пей и мед ешь, быстрее дело пойдет. Нам нужен заместитель Стрелковой, где же у меня записано-то... Ага, вот: Коротченко Максим Михайлович.

Она достала телефон.

– Максим Михайлович? Добрый день, это старший следователь прокуратуры Крошина. Мы сейчас у вас в галерее. Мне нужен ключ от кабинета Жанны Стрелковой.

– Да-да, конечно, – ответил высокий мужской голос. – А где вы именно? Я принесу.

– Мы в буфете.

– Сейчас спущусь.

Пока Катя, покрасневшись, допивала чай, в буфете появился высокий молодой человек лет тридцати с аккуратной бородкой и длинными волосами, забранными в хвост. Он сразу устремился к их столику:

– Еще раз здравствуйте. Максим Коротченко.

– Очень приятно, – откликнулась Лена. – Присаживайтесь.

Коротченко отодвинул стул и присел на краешек, словно приготовился в любую секунду убежать.

– Мне необходимо посмотреть документы Жанны Валерьевны, вот санкция на обыск кабинета, – Лена протянула ему документ, в который Коротченко даже не заглянул:

– Понимаю. Пожалуйста, вот ключ.

– Мне нужны понятые.

– Я могу. И кого-нибудь из зрителей сейчас приглашу. Вы пока поднимайтесь, кабинет на втором этаже, первая дверь справа от лестницы.

– Спасибо. Мы без вас не войдем.

Пока Коротченко ходил за молодой девушкой в форменном костюме, Лена с Катей поднялись на второй этаж и оказались у белой двери с латунной ручкой. В длинном коридоре таких дверей было три, но только на этой была привинчена металлическая табличка с именем хозяйки кабинета. Появились Коротченко со смотрительницей, которая представилась как Лидия Волосова, и Лена отперла замок.

Она попросила понятых посидеть на диване, а сама прошла по кабинету, осматриваясь. Вся обстановка казалась знакомой – именно так был обставлен и кабинет Жанны дома. Удивительное постоянство.

– Екатерина Сергеевна, вы займитесь письменным столом, а я посмотрю папки в шкафу, – распорядилась она. – Нас интересуют банковские документы.

– Банковские? – напрягся Коротченко, подходя к столу. – Что-то случилось?

– Кроме того, что вашу начальницу убили, ничего, – повернулась к нему Лена. – Но, может быть, вы знаете больше?

– Я? Нет, просто странно. Какое отношение имеют банковские документы к смерти Жанны Валерьевны?

– Возможно, самое прямое.

– Но у нас всегда все было в порядке! Жанна Валерьевна очень щепетильна в финансовых вопросах.

– Тогда вам нечего бояться, верно?

– Да, конечно, – с облегчением выдохнул он.

– Вы пока на диванчик присядьте, если мне что-то будет непонятно, я спрошу.

Коротченко вернулся на диван, но от Лены, внимательно следившей за ним, не укрылось, как он вынул из кармана платок и вытер лоб. Катя шелестела файлами в большой серой папке, и губы ее беззвучно шевелились – она прочитывала каждый лист, водила пальцем по строчкам, боясь упустить что-то важное.

Лена тоже открыла лежащую перед ней папку. «Интересно, чего вдруг так испугался этот Коротченко? – думала она, пробегая глазами лист за листом. – Судя по тому, что я вижу, у Стрелковой каждая бумажка подшита, никаких финансовых нарушений здесь быть не может. Тогда чего он так боится?»

Прошло около часа, но нужный им документ так и не нашелся. Стопка папок на столе редела, а результата не было. Удивительно, но Максим Коротченко теперь нервничал еще сильнее, даже расстегнул две пуговицы на рубашке.

– Максим Михайлович, вам нехорошо? – спросила Лена.

– Здесь... очень душно... – Он вытер скомканным платком шею и грудь.

– Да? Я бы не сказала.

– Я плохо себя чувствую.

– Тогда, может быть, вы пойдете к себе, а мы здесь закончим?

– Нет-нет. Не так много осталось, я потерплю.

«Очень это странно. Такое впечатление, что он знает что-то такое, о чем не хочет говорить. Не нравится мне этот Максим Михайлович». – Лена взялась за последнюю папку.

Она уже заканчивала просматривать документы, как вдруг заметила, что в папке не хватает файла. Отчетливо виднелись обрывки полиэтилена, как будто кто-то его вырвал. Лена перевернула папку и прочитала в нижнем углу: «48 листов». Пересчитала имеющиеся файлы, убедилась, что их сорок семь. Коротченко, казалось, вот-вот упадет в обморок.

– Максим Михайлович, вы точно ничего не хотите мне сказать?

– О чем? – вздрогнул тот.

– Вот об этом. – Лена развернула папку и провела пальцем по торчащим клочкам полиэтилена. – Что здесь было и куда подевалось?

– Я не знаю, – почти прошептал он.

– Напрасно вы так упорствуете. Я ведь пока просто спрашиваю. Не скажете сейчас, в неформальной беседе – будете говорить под протокол.

Коротченко бросил опасливый взгляд на коллегу, которая наблюдала за всем, и глухо выдохнул:

– Пусть Лидия выйдет.

– Зачем? – удивилась Лена.

– Это... Словом, это не моя тайна, я не могу при посторонних.

Лена пожала плечами:

– Лидия Алексеевна, вы не могли бы пять минут погулять? Я вас позову позже.

Та фыркнула, но из кабинета вышла.

– Так я вас слушаю, Максим Михайлович.

Коротченко облизал губы и, переместившись с дивана на стул напротив Лены, шепотом сказал:

– Жанна Валерьевна просила меня, если с ней что-то... вы понимаете. Словом, она просила меня уничтожить один документ.

– И вы это сделали?

– Да. Я ей многим обязан.

– Хорошо. А что именно за документ она просила вас уничтожить? Только не говорите, что вы его не прочли, я не поверю.

Коротченко опустил голову:

– Прочел. Но я ничего не понял. Как не понял и того, зачем Жанна Валерьевна хотела, чтобы я это сделал. Там не было ничего особенного – просто договор на аренду банковской ячейки.

«Отлично! – с досадой подумала Лена. – Это как раз то, чего я боялась. Названия банка у нас нет».

– А вы случайно не запомнили, в каком именно банке находилась ячейка? – цепляясь за последнюю надежду, спросила она, но Коротченко немедленно замотал головой:

– Нет-нет, этого я не помню. Честное слово.

– Понятно. – Лена со вздохом закрыла папку. – Подпишите протокол и можете быть свободны. И пригласите Волосову, пусть тоже распишется.

Он быстро поставил закорючку в протянутом Катей листе и почти бегом покинул кабинет.

Лидия, тоже расписываясь в протоколе, покачала головой:

– Вы ему зря поверили.

– В каком смысле?

– В прямом. У нашего Максима память уникальная, он любой текст может один раз прочесть и повторить назавтра без запинки. Так что наврал он вам. Уж извините, что я подслушивала. Очень мы все за Жанну Валерьевну переживаем, так жалко ее...

– Хорошо, спасибо, Лидия Алексеевна. Учту то, что вы сказали.

Лидия попрощалась. Лена с Катей убрали папки на прежнее место и вышли в коридор. Коротченко, оказывается, никуда не ушел, стоял у кабинета.

– Дверь я опечатаваю, – сказала Лена, вынимая из сумки печать. – Если вы мне понадобится, вас вызовут повесткой.

– Но я же... Я же ничего...

– Не волнуйтесь, это обычная формальность. Вдруг у меня возникнут дополнительные вопросы.

Радости на его лице она не увидела.

Из здания галереи они вышли в тот момент, когда начался ливень.

– Ух ты, – протянула Катя. – Это ж надо, стоило зонт дома оставить, как вот оно.

– Я на машине. Но до нее надо добежать.

– Здесь метров сто. Наверное, не успеем сильно промокнуть? – с сомнением проговорила Катя.

– У нас выбора нет, – улыбнулась Лена. – Сейчас добежим, а в прокуратуре будем сушиться.

– Меня Андрей Александрович, наверное, ждет.

– Мы ему позвоним. Он должен ко мне прийти, там и встретитесь. Все, бежим. – И, взяв Катю за руку, Лена решительно шагнула под водяные струи.

– Как вы думаете, почему Жанна попросила Коротченко уничтожить банковский договор? – Катя уже устроилась на переднем сиденье и теперь стряхивала капли с волос.

– Не знаю. – Лена включила «дворники» и ждала, пока будет возможность выехать с парковки. – Может, не хотела, чтобы кто-то обнаружил в ячейке то, что для чужих глаз не предназначалось. Понять бы еще, что именно.

– Вряд ли это дневник, да?

– Не знаю, – со вздохом повторила Лена. – Вполне вероятно, что и дневник. Но что такого она могла там написать, чтобы потом бояться огласки? В любом случае, пока не найдем банк и ячейку, мы этого не поймем.

– Банков в городе не так уж много. Давайте я объеду и попробую узнать, не арендовала ли Стрелкова ячейку, – предложила Катя.

– Думаю, что так и придется поступить. – Лена перестроилась в правый ряд для поворота. – Пару дней пробегаешь, увы.

– Ничего, мне это только на пользу. Да и самой уже интересно, что такого можно спрятать в банковскую ячейку, – улыбнулась Катя. – Только вы Андрею Александровичу скажите, что задание мне дали.

– Конечно. Ты его боишься, что ли?

– Он всегда такой строгий, серьезный.

– Это он на работе такой. А вообще душа компании. Песни любит, на гитаре хорошо играет. Но когда речь о деле, он меняется, это ты верно заметила.

– А он женат? – выпалила вдруг Катя и залилась краской.

Лена насмешливо посмотрела на нее:

– А у него самого что же не спросила? Неудобно?

Катя теребила рукав и молчала. Лене эта история была не в новинку. Каждый год возникали вот такие практикантки, моментально попадавшие под обаяние сурового красавца Паровозникова. Томные взгляды, короткие юбки, смущенные улыбки, суетливые движения – словом, полный комплект. Кого-то Андрей не замечал, кому-то оказывал знаки внимания, не переходившие, однако, ни во что серьезное. В этом смысле он был непреклонен и романов с девчонками не заводил. Но поток влюбленных практиканток не иссякал, и коллеги не уставали над этим потешаться.

– Андрей не женат и, насколько я знаю, не собирается это как-то менять. – Лена постаралась спрятать улыбку.

– Может, просто не нашел еще ту, с которой хочет связать судьбу, – сразу же встрепнулась Катя, и ей тут же стало скучно. Надо же, неглупая вроде девчонка, а ведет себя как дурочка из кино.

К счастью, выслушивать дальнейшие излияния на эту тему не пришлось: они подъехали к зданию прокуратуры, и дождь тоже закончился.

– Вот тебе ключ от моего кабинета, поднимайся. Мне нужно к начальнику зайти, – сказала Лена, когда они миновали полицейского на входе. – Чайник на окне, там же заварка и сахар.

– Вам сделать?

– Да, пожалуйста.

Перескакивая через две ступеньки, практикантка удалилась, а Лена направилась к начальству. Прокурор был недоволен тем, как ведется работа по делу об убийстве Стрелковых.

Двух шагов не дал ей сделать по кабинету – сразу остановил вопросом:

– Ты, Крошина, чем вообще занимаешься? Почему никаких подвижек?

– Я еще не говорила со следователем сегодня.

– Разумеется, когда тебе? Ты ж сама любишь работу за оперов делать!

Интересно, кто ему об этом доложил?

– Так не расскажешь, чего в галерее накопила? – продолжал наступать начальник.

– Только то, что заместитель Стрелковой по ее просьбе уничтожил какой-то банковский документ. Думаю, это был договор на аренду ячейки, где хранится нечто, что Стрелкова хотела сохранить в секрете от всех. – Лена, как школьница, переминалась у порога с ноги на ногу.

Прокурор снял очки, сунул дужку в рот и вопросительно посмотрел на нее:

– Как так?

– Что именно?

– Думаешь, там какой-то криминал?

– Думаю, что-то личное скорее. Дневник, к примеру. Но именно это Жанна и не хотела никому показывать. Мне кажется, если мы найдем этот злосчастный дневник, то существенно приблизимся к разгадке причины убийства.

– Ну-ну. Что делать думаешь?

– Хочу завтра с утра практикантку Паровозникова по банкам отправить. Пускай поищет, а потом оформим выемку.

– Если найдет.

– Да, если найдет.

– Хорошо, иди. И к концу дня материалы по делу об ограблении пивного ларька мне на стол, пожалуйста. Срок подошел.

Лена молча кивнула и вышла. Все материалы по этому делу были готовы и в полном порядке, она просто забыла вчера занести их начальнику. Ничего, отдаст сегодня.

День прошел в какой-то бестолковой суете. К вечеру Лена почувствовала, как сильно устала и до какой степени не хочет никого видеть. К счастью, отец еще не вернулся из области, а мать позвонила и предупредила, что вернется поздно – заехала к подруге, а это, конечно, затянется. «Сейчас заскочу в кулинарию, куплю там пирог с вишней и остаток вечера проведу в постели с книжкой и пирогом», – планировала Лена, усаживаясь в машину.

Осуществиться этому плану помешал телефонный звонок, заставший ее у кассы кулинарии. Звонила Юлька, единственная подруга, оставшаяся у Лены еще со школьных времен.

– Да, слушаю. – Трубку она прижала плечом к уху и вставила в терминал банковскую карту. Сейчас изо всех сил нужно было постараться скрыть разочарование, хоть обида не покидала: планы на вечер явно срывались.

– Ленка, привет! – зажурчал мелодичный голос подруги. – Ты где пропала?

«Господи, ну почему именно сегодня? – мысленно простонала Лена. – Почти месяц ни слуху ни духу, и именно в тот день, когда я еле дышу от усталости, ты вдруг возникаешь откуда-то».

– Я пропала? По-моему, это ты не отвечаешь на звонки. – Она забрала с прилавка обвязанную лентой коробку.

– Ты никогда никого не слушаешь, если это не касается твоей работы. Я на конкурсе была, – в голосе Юльки послышалась обида. – Вот вернулась утром, отоспалась и сразу тебе звоню.

«Привалило счастье! Ты отоспалась, а я вот мечтаю об этом всю неделю, и никак», – пожалела себя Лена, а вслух спросила:

– И как гастролы?

– Да ну, скука смертная. Я-то думала: столица, театры, актеры, режиссеры, то-се... А время прошло в сплошных репетициях и конкурсном мандраже. В итоге у спектакля второе место. Правда, меня отметили как подающую надежды. Смешно, да? Тридцать пять лет – и подающая надежды!

Уже было ясно, что Юлька в раздрызганном состоянии – огорчена, расстроена, жаждет дружеской поддержки. Ничего не оставалось, как пригласить ее к себе. Не могла Лена оставить в такую минуту единственного друга без помощи. Или хотя бы без душевного разговора.

– Если ты свободна, приходи ко мне, – мысленно попрощавшись с тихим вечером, пригласила она. – Я еду домой, буду минут через пятнадцать. Если захочешь, оставайся на ночь: отец в районе, мама придет поздно.

– Как в детстве прямо, – усмехнулась Юлька. – Спасибо, Лен.

– Все, я поехала, и ты выдвигайся, – велела она, открывая машину.

С Юлей Воронковой судьба столкнула Лену на ее первой школьной линейке. Юлька оказалась самой маленькой в классе – такой крошечной, что ее почти не было видно за огромным ранцем и букетом гладиолусов. Им с Леной не хватило мальчиков в пару, и учительница поставила их вместе. Как-то вышло, что и за парту они сели вдвоем, и домой им оказалось по дороге.

Так и началось. За одиннадцать школьных лет было всякое. И ссоры навсегда, длившиеся обычно пару дней, и периодические ночевки друг у друга, и даже довольно крупная размолвка из-за несовпадения взглядов на творчество Булгакова – Юлька была от него без ума, а Лена только пожимала плечами, не разделяя этих восторгов.

Но и после школы они не потеряли друг друга и продолжали оставаться близкими подругами, почти сестрами. Лена поступила на юридический, Юлька – на актерский факультет местного института культуры. После окончания попыталась уехать в Москву, но столичная жизнь оказалась не под силу. Юлька вернулась, устроилась в местный драмтеатр и довольно быстро стала получать главные роли.

Однако столичные подмостки продолжали манить, и в авантюру с конкурсом «Золотая маска» Юля пустилась отчасти из-за этого. Казалось, что там ее могут заметить и пригласить если не в театр, то хотя бы на роль в сериале, а то и в фильме. Увы, этого не произошло. Быть же подающей надежды в тридцать пять лет оказалось еще унижительнее, чем получить отказ. Поговорить об этом Юльке было абсолютно не с кем – ее родители много лет как жили в Индии, внезапно обретя Шиву, связь с ними она не поддерживала. Любимый муж, бывший смыслом ее жизни почти восемь лет, в прошлом году разбился на мотоцикле. Оставалась только верная Ленка Крошина, которая, к счастью, не умела говорить «нет».

Лена подъехала к дому в тот самый момент, когда во двор со стороны переулка вошла Юлька с букетом цветов и узким длинным пакетом, в которые упаковывали вино в ближайшем супермаркете.

– Смотрю, вечер перестает быть скучным, – улыбнулась Лена, выбираясь из припаркованной машины.

Юлька чмокнула ее в щеку и взяла с заднего сиденья коробку с пирогом.

– Тебя, похоже, подтолкнула под локоть пироговая фея. Я мечтала о таком примерно пару недель. С вишней?

– Да. Ужина, имей в виду, у меня нет.
– Ты издеваешься? Мы тащим домой пирог и бутылку вина – какой ужин?
– Фигуру боишься испортить? – поддела Лена, закрывая машину и направляясь к подъезду.

– Мы с тобой действительно давно не виделись. – Юлька рассмеялась. – Ты забыла, что я не сижу на диетах.

– И это прекрасно.

– Мне надо поехать на кладбище.

Чуть порозовевшая от вина Юлька сидела на кровати в фиолетовой пижаме, поджав под себя ноги. Лена устроилась в кресле-мешке напротив, потягивала напиток из бокала и всем сердцем сочувствовала подруге. Юлька была совершенно одна – ни родителей, ни мужчины рядом. Гибель Саши надолго выбила ее из колеи. Она с трудом заставляла себя выбираться из дома на репетиции и спектакли, и только Лена знала, каких нечеловеческих усилий это требовало. Именно Лена полгода назад настояла на том, чтобы Юлька поехала на конкурс в Москву. Ей казалось, что это немного встряхнет подругу, заставит отвлечься от горя. Но вышло еще хуже – к тоске по Саше добавилось разочарование от проигрыша и рухнувших надежд. Сейчас Лена чувствовала себя виноватой.

– Давай съездим в субботу, – предложила она.

– У меня утром репетиция, но после обеда я свободна. Спасибо тебе, – с благодарностью откликнулась Юлька.

– Пустишки, мы с тобой не чужие. Помогу тебе на могиле убраться, цветов купим, посидим, Сашку вспомним.

Юлька часто заморгала ресницами, и Лена поняла, что сейчас она заплачет. Быстро отставила бокал на пол, пересела на кровать, обняла подругу.

– Юль, не надо, сколько можно?.. Вряд ли Сашке бы понравилось, что ты уже год заживо себя хоронишь.

– Я знаю, Лена. – Юлька уткнулась ей в грудь. – Но я никак не могу смириться с тем, что его больше нет. Понимаешь, нет и уже никогда не будет.

– Я это понимаю. Но ведь ты-то жива, и жизнь твоя должна продолжаться. Еще столько всего впереди. Ты молода, знаменита – звезда, можно сказать.

– Местного разлива, – мрачно буркнула Юлька, отстраняясь от Лены и вытирая глаза. – Что толку? Наверное, пора умерить амбиции и смириться с тем, что до пенсии буду играть на местной сцене в не очень качественных постановках.

– Все может измениться в одну минуту.

– Ага. В один прекрасный день можно оказаться на полу в собственном доме с пулей в голове, и больше ничего действительно не будет нужно.

– Это ты к чему? – насторожилась Лена.

– Можно подумать, ты не слышала о смерти Жанны Стрелковой.

– Положим, я слышала. А ты как могла об этом узнать, тебя же в городе не было?

– Мне Макс Коротченко позвонил.

– А его ты откуда знаешь? – еще сильнее напряглась Лена. Нет, не любила она таких совпадений.

– Мы на одном мероприятии благотворительном познакомились. Фонд Жанны организовывал, мы участвовали с парой миниатюр, а Коротченко был кем-то вроде куратора. Приглашал потом пару раз на кофе, до сих пор иногда общаемся. А что?

– И какие у тебя впечатления от этого Коротченко?

Юлька на секунду задумалась.

– Не знаю, он какой-то странный. Вроде говорит комплименты, а ощущение такое, словно тебе гадость сказали. И знаешь что, память просто космическая. Любой текст повторяет без запинки, даже знаки препинания запоминает. Я так удивилась, когда он в кафе официантке состав блюда до граммов перечислил.

«То же самое сказала сотрудница галереи, – вспомнила Лена. – Значит, надо его вызывать в прокуратуру и допрашивать. Он не может не знать названия банка, в котором у Стрелковой была ячейка. Ведь сказал же, что прочел документ перед тем, как сжечь».

– А ты почему о нем спрашиваешь? Он что-то натворил? – немного обеспокоенно спросила Юлька.

– Нет. Встречались как раз по делу о смерти Стрелковых, фамилия знакомая, вот и спросила. А ты саму Жанну знала?

– Да. Она помогала нам с последней постановкой – оплатила декорации и костюмы, сама часто приходила на репетиции, интересовалась, не надо ли еще чем-то помочь. У меня сложилось впечатление, что она старается как можно больше отдать. Это так странно в наше-то время.

– В каком смысле отдать? Денег?

– И это тоже, – кивнула Юлька, дотягиваясь до почти опустевшей бутылки и разливая остатки по бокалам. – Но не только. Она очень участливая была, замечала всякие мелочи: у кого настроение плохое, кто не в духе, понимаешь? Интересовалась людьми не из праздного любопытства, чтобы поболтать о чем-то, а искренне. Вот ты, к примеру, знаешь, как зовут гардеробщицу в вашей конторе?

– Знаю. Светлана Дмитриевна.

– А какая у нее семья, где она живет, с кем?

– Как-то не интересовалась, да и странно это, – пожала плечами Лена.

– А Жанна знала все о тех, с кем сталкивалась, представляешь? У нашей костюмерши Надюши сын болен ДЦП, так мы об этом узнали только от Жанны, когда она мальчику какой-то сложный тренажер купила, и Надюша вздохнула об этом рассказывала. Я в этом театре восемь лет и не знала, а она провела несколько месяцев – и вот...

«Какая-то она блаженная, эта Жанна, – подумала Лена. – В который раз слышу о ее святости, даже неприятно почему-то. Как будто она специально выискивала тех, кому помощь нужна. Хотя что в этом плохого, если подумать?»

– Слушай, Юль, как ты считаешь, мог кто-то желать смерти Жанне? Просто так, теоретически – были люди, которые ее за что-то ненавидели, к примеру?

Юлька пожала плечами:

– Я не так хорошо ее знала, конечно. Но по ощущениям – нет, не могло такого быть. Просто не могло, и не спрашивай, почему я так думаю. Жанна была из тех людей, которые не вызывают отрицательных эмоций. Это случается довольно редко, особенно если у человека деньги есть. Но ты понимаешь, Ленка, ей даже завидовать как-то неудобно было. – Юлька пригладила растрепавшуюся челку, обхватила руками плечи, ненадолго задумалась. – Может, все потому, что она к деньгам относилась не как к чему-то святому, а просто как к возможности доброе дело сделать с их помощью. Вроде как чем больше денег, тем больше этих добрых дел, и только. Не шмотки, машины и бриллианты, а помощь тем, кому она по-настоящему нужна. Жанна ведь и выглядела довольно скромно, разве что украшения у нее были очень дорогие. Но при этом ничего вычурного – небольшие сережки, колечки какие-то почти незаметные. Хотя если присмотреться: камни очень высокой чистоты, и работа нетривиальная.

Насчет чистоты камней Юльке можно было доверять. В свое время ее мать была обладательницей хорошей коллекции бриллиантов и сумела привить дочери любовь к ним. Правда, от всего великолепия Юльке досталась всего одна пара сережек, остальное мать продала перед

тем, как уехать в Индию. Дочери же на прощание она выделила небольшую сумму, старую квартиру и эту самую пару сережек с прозрачными бриллиантами, оправленными в белое золото.

– Значит, украшения редкие? То есть если бы что-то пропало, продать в городе это было бы сложно?

– Что ты! Там, кажется, все в единственном экземпляре было, даже то, что из магазина. А уж то, что на заказ делалось, вообще уникальное – никто бы не рискнул купить, мне кажется.

«Надо все-таки еще раз сверить опись», – подумала Лена.

– Не складывается у меня, – пожаловалась она, натягивая на ноги край пледа. – По всему выходит, что Жанна выстрелила в себя сама. Но в голове ее отца – пуля, выпущенная из того же пистолета. Получается, что она его убила, а потом сама застрелилась? Вроде бы логично, если исходить из результатов экспертизы. Но если судить по тому, что рассказывают об этой семье все, кто с ними сталкивался, выходит бред какой-то. Отец Жанну любил, она его тоже, жили душа в душу, ни в чем не нуждались. С чего бы ей отправлять его на тот свет и самой следом отправляться? Если только, конечно, это не инсценировка...

– Думаешь, кто-то их застрелил, а потом обставил все так, словно это Жанна?

Лена вцепилась в волосы и замотала головой:

– Если не принимать во внимание версию о самоубийстве, то да. Но кто? Зачем? За что? Должен же быть мотив, и мотив серьезный. Убийца, если он был, проник в закрытый поселок, куда без пропуска и документов даже работники прокуратуры попасть не могут. И выбраться он тоже должен был как-то незаметно. Не по воздуху же, в самом деле!

– Хочешь, я поинтересуюсь, не мог ли отец Жанны насолить кому-то крупно? – предложила вдруг Юлька, и Лена от неожиданности открыла рот:

– У кого?

– Наш главный режиссер, между прочим, его одноклассник. Собственно, Жанна потому нам помощь и предложила, что знала об этом. И общаться они не переставали, насколько я знаю. Могу спросить.

– Юлька! И ты так буднично об этом говоришь? – возмутилась Лена. – Видишь же, что я места себе не нахожу!

Юля пожала плечами:

– Ты бы сразу спросила, я б не отказалась. Но ты ведь любишь сперва трагедию из всего устроить, нагнать эмоций. Я тебе не мешаю, не первый день знакомы.

Лена бросила в подружку небольшую подушку, Юлька ловко наклонилась, пропуская снаряд над головой.

– Ты как маленькая, честное слово. Давай еще драку тут устроим – раз уж родителей дома нет!

Лена немного уgomонилась, обхватила себя руками и вдруг спросила:

– Юль, а ты тоже считаешь, что мне пора от родителей съезжать?

Удивленно взлетели идеальные брови.

– Если это не мешает тебе, при чем здесь мое мнение? Я люблю ваш дом, люблю сюда приходить. Твои родители мне как родные стали за эти годы. И если ты не хочешь с ними разъезжаться, мое мнение мало что изменит, правда? Или?.. – осторожно спросила она.

– Нет, что ты, – обреченно махнула Лена, прекрасно понимая, к чему этот взгляд. – Я уже давно оставила эту надежду. Он никогда на мне не женится. И даже просто жить вместе не предложит.

– И зачем тебе тогда все это надо? Человек ясно дает понять, что ты ему совершенно не нужна, не дорога, даже не необходима. И ты продолжаешь встречаться с ним? К чему такое унижение, Лена? Ты его любишь?

– Не знаю. Но мне без него хуже, чем с ним.

– Веский довод. Мужик тебя ни во что не ставит, а тебе без него хуже?

– Не все такие святые, как твой Саша.

– А вот Сашу не трогай! Был бы Саша жив – и ноги твоего Кольцова рядом с тобой бы не было! – вспыхнула Юлька.

Лена прикусила нижнюю губу, стараясь справиться с внезапно подкатившим к горлу истерическим спазмом. В последнее время любые разговоры о Никите с кем-то заканчивались именно этим – желанием разрыдаться и колотить руками подушку. Юля, заметив, как изменилось лицо подруги, пересела к ней и обняла.

– Леночка, не надо. Давай просто оставим эту тему, я вижу, что тебе больно. Но ты ведь сама всякий раз начинаешь о нем говорить.

– Как я могу не говорить? У меня ничего другого нет, – хрипло выдавила из себя Лена, утыкаясь лицом в плечо Юльки. – Но от всех этих разговоров только хуже. Я с каждым словом понимаю, что все, нет никакого будущего с ним. Он меня бросит рано или поздно, я это знаю...

Юлька обняла ее еще крепче.

– Ох, Ленка, кто бы сейчас видел, как старший следователь Крошина рыдает из-за какого-то мужичонки...

– А что, старший следователь Крошина не человек, не женщина? – Теперь Лена на самом деле зарыдала. – Я что, не имею право на личную жизнь? У меня не может быть чувств? Я не могу ошибиться?

– Ш-ш-ш, – поглаживая ее по спине, уговаривала Юлька. – Конечно, ты имеешь право на что угодно, в том числе выбрать не того мужчину. Но мне как-то странно, что это происходит именно с тобой. Ты такая сильная, а не можешь разобраться в себе.

– Разобраться – это уйти от него?

– Пока он первый не ушел, – кивнула Юлька. – Так хоть уважать себя не перестанешь. Нет ничего хуже, чем ощущать себя брошенной.

– А если мне это не важно – уважать себя? – Она подняла на подругу заплаканные глаза. – Если мне важно только то, что он со мной? Пусть на час, на два, на вечер?

Юля молчала. Она видела, что Ленка страдает по-настоящему, но не могла понять этого страдания. То, что Кольцов ей не пара, она почувствовала сразу, как только Лена их познакомила. Погруженный в себя, занятый исключительно собой Никита произвел на Юльку отталкивающее впечатление.

Дело было не в его внешности, не в манере вести себя – Кольцов был интеллигентным, спокойным, выдержанным. Но все это теряло смысл, едва только он открывал рот. Для Никиты Кольцова на всем свете существовал один человек – Никита Кольцов, а все остальные были фоном, призванным оттенять его величие. Даже Лене он рассматривал всего лишь как дополнение к своей жизни, причем дополнение не всегда приятное. А после небрежно брошенного «отношения должны приносить легкость и удовольствие, и если они перестали это дарить, такие отношения надо немедленно прекращать» Юлька почувствовала острое желание выплеснуть бокал минералки прямо в его самодовольное бородатое лицо. Сдержалась она тогда только ради Лены, увидев, с каким обожанием та смотрит на своего кавалера. Но от дальнейших встреч всячески уклонялась, боялась рано или поздно не сдержаться.

– Лена, все, хватит. Давай, как я и предлагала, закончим все разговоры на эту тему. Но я позволю себе в последний раз высказаться, можно? Если мужчина не чувствует твою боль, не понимает причину твоих слез и предпочитает вообще их не замечать, задумайся: может, это не твой мужчина?

Она по-прежнему прижимала всхлипывающую подругу к себе и гладила ее по волосам.

– Пусть так! Пусть не мой! Но он ведь пока еще со мной...

Все, пора действительно заканчивать эту волюнку. Ленка в таком состоянии, что все равно не поймет ни слова. Самое печальное, что конец этой истории будет трагическим: Кольцов от нее уйдет и даже не догадается, что его уход может Ленку убить. И черт бы с ним, но

подруга у Юльки только одна, и жалость к ней переполняет, хотя она и понимает, что сделать ничего не в силах. Только подставить плечо потом, чтобы помочь Ленке пережить неизбежный разрыв.

Наталья Ивановна вернулась домой как раз в тот момент, когда Юлька энергично макала по-прежнему рыдающую Лену под кран с прохладной водой.

– А у вас, смотрю, весело, девчонки.

– Здравствуйте, Наталья Ивановна, – крикнула Юлька из ванной. – Веселее не бывает – перешли к водным процедурам.

– Что-то ты рано, – пробурчала Лена, вытирая лицо и мокрую челку.

– Не можем же мы вечно обсуждать детей и внуков! – Мать нашарила под вешалкой домашние тапочки, и Лена снова взорвалась:

– Разумеется! Тебе-то по большей части молчать пришлось, у тебя же дочь неудачница!

– Ленка, хватит! – Юлька отобрала у нее полотенце, в которое та попыталась уткнуться. – Хватит, я сказала! Совсем с ума сошла – так распускаться! Ну-ка, идем чайник ставить, Наталья Ивановна промокла вся.

– Да, чайку не помешает. – Наталья Ивановна никак не отреагировала на слова дочери. – Какая-то весна в этом году странная – дожди, дожди...

Когда чайник засвистел на плите, а на столе появились уютные чашки в красный горох и пара вазочек с вареньем и печеньем, Лена все-таки сумела взять себя в руки и даже устыдиться собственной истерики. Такие спектакли она позволяла себе крайне редко, но сегодня как-то слишком многое навалилось. И вдобавок ко всему Никита не позвонил, хотя близилась выходная, которые можно было провести вместе. Лена гнала мысль, что ему, должно быть, действительно и без нее хорошо. Не хотелось так думать, было слишком обидно за себя.

– Так мне звонить Городову? – Юлька за чаем заметно повеселела.

– Кому? – не поняла Лена.

– Режиссеру нашему. Позвонить, спрашиваю, насчет встречи?

– Ты собралась встречаться с режиссером? – вклинилась Наталья Ивановна. – Что это тебя снова к богеме потянуло?

– Мама, может, на сегодня хватит? Он мне нужен по делу об убийстве Стрелковых, – устало объяснила Лена. – Конечно, позвони, вдруг он меня завтра сможет принять?

– Завтра суббота, – напомнила мать, изящно разламывая тонкими пальцами печенье и откладывая половинку на блюдце. – Нормальные люди в выходной деловые встречи не назначают.

– Городов у нас не совсем нормальный, – усмехнулась Юлька, – так что все в порядке. С утра и позвоню. Если не запил – найдет время.

– А он пьет? – удивленно спросила Наталья Ивановна. – Мне казалось...

– Вот именно: вам казалось. Алексей Алексеевич умеет казаться трезвым, когда это необходимо. А так тот еще выпивоха. Творческие же люди, что с нас взять! – рассмеялась Юля.

Утром Лена схватила телефон раньше, чем открыла глаза. Ни сообщений, ни пропущенных звонков. Собственно, она была уверена в этом, но всякий раз, конечно, надеялась и проверяла почту с замирающим сердцем. Кольцов не позвонил, не написал – как обычно.

На раскладушке заворочалась Юлька. Вскинула из-под одеяла руки, пробормотала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.